

Гэ Хуань готов был поклясться: никогда в жизни он не слышал голоса мягче и нежнее. Он словно окутал его ласковым весенним теплом.

Точно ангел сошёл с небес, не иначе. Гэ Хуаню снова захотелось разрыдаться. С тех пор как он очутился в этом безумном мире, малейшее проявление доброты доводило его до слез признательности. А ведь в прошлой жизни ему дарили дорогие машины, квартиры, звали на роскошные банкеты — и он даже бровью не вел.

Преодолевая боль, он с трудом повернул голову. Первое, что он увидел, — безупречно белое даосское одеяние. Гэ Хуань медленно окинул взглядом высокую, статную фигуру.

Мужчина стоял прямо, изящный, точно выточенный из нефрита. Его длинные волосы, ничем не стянутые, легкими волнами струились по плечам. В руке он держал полупрозрачный темно-зеленый Нефритовый жезл Возвращающегося Снега, по которому переливались волны мягкого света. Настоящее божество, сошедшее на землю.

Его лицо было до безумия красиво, а сам он смотрел ласково и приветливо, чуть прищурив глаза. Этот теплый взор проник в самую глубину души Гэ Хуаня.

Они безмолвно смотрели друг на друга целую вечность. В голове у Гэ Хуаня загудело, дыхание перехватило. Он не верил собственным глазам.

Хэ Игэ?! Его университетский сосед по комнате? Заклятый враг, которого Гэ Хуань каждый божий день мысленно отправлял в преисподнюю?!

Мир огромен, людей в нем не счесть — так почему среди миллиардов лиц судьба подсунула ему именно этого ублюдка?!

Гэ Хуань отчаянно пытался унять бешеный стук сердца.

«Нет, не может быть. Просто похож. Откуда взялся такому совпадению? К тому же этот человек держится благородно, от него веет мягкостью и величием. Он куда зрелее и привлекательнее того вонючего придурка, который вечно строил из себя хладнокровного мачо».

Но перед Гэ Хуанем действительно стоял его заклятый враг. Хэ Игэ и сам застыл как вкопанный. Всего несколько дней назад он самым нелепым образом провалился в книгу. Поначалу он растерялся, но быстро пришел в восторг, ведь это был его любимый роман — «Легенда о культивации Злого Лорда в ином мире».

Эту историю он перечитывал раз пять или шесть, постоянно донатил автору и выводил книгу в топы. Он любил этот сюжет сильнее, чем собственных девушек. Главный герой романа вызывал у него искреннее восхищение: оказавшись на самом дне, в беспросветном отчаянии, тот

стискивал зубы и шел вперед, пробивая путь из тьмы к свету. Если бы не его чистая, благодарная душа, разве позволил бы он своему злобному учителю так долго вить из него веревки? Хэ Игэ сопереживал каждому персонажу, помнил каждую реплику и деталь — эта книга была его главным вдохновением.

Но почему судьба забросила его именно в это тело? Ладно бы он стал обычным монастырским подметальщиком — Хэ Игэ был бы счастлив просто издали взглянуть на любимых героев. Так нет же, его угораздило превратиться в Цзисин-цзы, Почтенного Позднюю Звезду, злобного наставника главного героя!

Стоило ему вспомнить, как в финале разъяренный протагонист сдерет с учителя кожу и сделает из него вяленое пугало, как по спине пробежал ледяной пот. Поломав голову над тем, как спасти свою шкуру, Хэ Игэ решился на отчаянный шаг: пожертвовал пятью сотнями очков репутации в Системе и лично отправился на поиски подопечного.

Как бы ни повернулся сюжет в будущем, первое впечатление должно быть безупречным. Вдруг парень вспомнит, кто вытащил его из бездны, и в конце проявит хоть каплю милосердия? К тому же Хэ Игэ и впрямь было чисто по-человечески жаль главного героя. Прибыв к его дому, он узнал, что сироту уже выставили на улицу, и без промедления помчался сюда, к Разрушенному храму.

Он летел сюда на крыльях надежды, предвкушая встречу с любимым персонажем, но реальность нанесла жестокий удар. Главный герой оказался точной копией его университетского соседа — того самого высокомерного выскочки. Разве что этот парень выглядел более тощим и изможденным.

Ладно бы имя совпадало, но лицо! Одно лицо!

Да пошло оно всё к черту. Прибить его на месте — и дело с концом! Какое еще спасение?!

Даже если это просто сходство, Хэ Игэ так перекосило от злости, что зубы закрипели. Тварь ты господняя, Гэ Хуань! В общежитии этот козел шагу ему не давал ступить, вечно соперничал, отбирал повышенную стипендию, да еще и умудрился рассорить его с бывшей девчонкой! Стоило вспомнить старые обиды, как кровь закипала в жилах.

Гэ Хуань опомнился первым. Осознав, как нелепо выглядит, развалившись на полу в позе эмбриона под пристальным взглядом этого красавца, он едва не сгорел со стыда. Смахнув с губы кровь и превозмогая ломоту во всем теле, он поспешно поднялся, отряхнул лохмотья и вежливо поклонился:

— Премного благодарен бессмертному за спасение моей ничтожной жизни. Зовут меня Гэ Хуань. Могу ли я узнать имя моего спасителя?

В душе Цзисин-цзы бушевал шторм, но внешне он оставался спокоен и безмятежен. Из всех

сил стараясь держать марку благородного праведника, он ответил легким поклоном:

— Я — Почтенный Поздняя Звезда из ордена Цзюньшань. Можешь звать меня Цзисин-цзы. — Немного помолчав, он добавил: — Я спустился с гор ради странствий и случайно набрёл на этот храм. Видимо, самой судьбой нам предназначено встретиться.

У Гэ Хуаня перекосило рот, а с лица мгновенно схлынула вся краска. В Разрушенном храме вдруг засквозило могильным холодом. Сердце испуганной птицей заколотилось в груди, колени предательски подогнулись.

Это же он... Тот самый безжалостный ублюдок, из-за которого главный герой едва не лишился рассудка! Его будущий наставник, Цзисин-цзы!

Гэ Хуаню показалось, что петля стянула его горло.

«Что, неужели этот маньяк приперся по мою душу раньше времени?! По сюжету мы должны были встретиться только через несколько глав!» — в панике закричал он про себя. Гэ Хуань безумно хотел призвать свою хваленую Непобедимую Роскошную Верховную Систему Трансмиграции в Книгу и потребовать объяснений, но эта железка будто издевалась. Когда она нужна — хрен дозовешься, зато в самые неподходящие моменты лезет изо всех щелей, точно назойливый призрак.

Пытаясь скрыть дикий ужас, он крепко сжал дрожащие пальцы и, заикаясь, выдавил:

— По... Почтенный старейшина, приветствую вас. Я... я обязательно отблагодарю вас как-нибудь в другой раз. А сейчас мне пора идти, дел неуворот! Нужно приглядывать за младшими и ухаживать за больным отцом.

Вспомнив о детях, Гэ Хуань испуганно прижал их к себе.

Цзисин-цзы ласково улыбнулся, его голос так и сочился притворной заботой:

— Не хочешь ли ты отправиться со мной в орден Цзюньшань? Обещаю, я пристрою твоих брата и сестру в надежное место, да и об отце позабочусь как следует. — С этими словами он протянул руку и легонько ущипнул немую младшую сестру за пухлую щечку. — Какая прелестная малышка.

Гэ Хуань отшатнулся и выпалил на автомате:

— Благодарю за доброту, почтенный старейшина, но я справлюсь сам!

Ему очень хотелось еще немного пожить целым и невредимым, а не торопиться на плаху.

Порыв прохладного ветра всколыхнул широкие рукава его белоснежного одеяния. Цзисин-цзы картинно положил ладонь на плечо юноши:

— Доверься мне. Я защищу тебя от любых невзгод.

«Доверься тебе, как же! Держи карман шире!» — мысленно огрызнулся Гэ Хуань. В романе главный герой купился на эту ангельскую рожу, добровольно пошел к нему в ученики, заглядывал в рот и беспрекословно подчинялся, пока этот садист ломал ему жизнь.

— Почтенный старейшина, к чему такое упорство? — осторожно спросил он вслух. — Я простой сирота, за какие такие заслуги мне выпала эта честь? Мне нечем отплатить вам.

Цзисин-цзы про себя выругался. «Ну и зануда! Ноет как баба. Как этот мямля вообще умудрился превратиться в безжалостного злодея в конце книги? Ему с неба падает королевский подарок, а он еще нос воротит и требует объяснений! Каких тебе, черт возьми, объяснений надо? Мне просто выжить хочется и домой вернуться!»

— Потому что... — Цзисин-цзы придал лицу выражение глубокой скорби и благоговения, — ты чист сердцем и предан своей семье. Твоя сыновняя почтительность тронула меня до глубины души. Да и, как я уже сказал, это судьба.

«И это всё? Более нелепой отмазки придумать не мог?»

Гэ Хуань сделал пару шагов назад, силясь сохранить невозмутимый вид:

— Заботиться о родителях — долг каждого человека. Я не ищу пути бессмертия. Всё, чего я хочу, — это быть рядом с отцом и вырастить брата с сестрой, подарив им нормальное детство.

Цзисин-цзы окончательно потерял терпение. Больше всего на свете его бесила чужая нерешительность. В романе протагонист описывался как наивный, доверчивый юноша, которого раз плюнуть обвести вокруг пальца. Почему же перед ним сейчас стоял этот подозрительный параноик, упрямо ищущий во всем подвох?

«Ну конечно! Раз уж рожа у него точь-в-точь как у моего соседа-кретина, то и с головой у него явно не все в порядке».

Он шагнул вперед, мертвой хваткой вцепился в запястье Гэ Хуаня и произнес тоном, не терпящим возражений:

— У тебя нет выбора!

«Я так и знал! Гнида лицемерная!» — мысленно взвыл Гэ Хуань. Стоило немного надавить, как

этот святоша мигом показал зубы.

Драться? Смешно. Даже если применить все его навыки университетской секции бокса, против местной магии они бесполезны. Тот сделает пару пассивов руками — и всё, пиши пропало. Бежать? Исключено. После вчерашней взбучки от деревенских у него живого места на теле не осталось, а ведь на руках еще старик и двое детей.

Кругом тупик. Ну за что ему такая собачья жизнь?!

Трактир «Удача»

Раннее утро. Немая младшая сестра во все глаза смотрела на ломящийся от яств стол, а Гэ Хуань, бережно качая на руках младенца, осторожно кормил его жидкой рисовой кашей.

Цзисин-цзы заботливо пододвинул к нему тарелки, выставив мясное прямо перед Гэ Хуанем:

— Ешьте, вы наверняка проголодались. А ребенка дай мне, я подержу.

Как истинный заклинатель, он давно привык обходиться без мяса, алкоголя и прочих мирских искушений. Хэ Игэ еще в своей прошлой жизни увлекался вегетарианством, так что вжиться в роль аскетичного даоса ему не составило труда.

Он аккуратно взял младенца. Малыш был до ужаса истощен — бледный, худенький, совсем не похожий на упитанных, пышущих здоровьем детей.

Гэ Хуань замер. Живот его сжимался от дикого голода, во рту пересохло при виде жареной утки и свинины. Ему безумно хотелось наброситься на еду и сожрать всё в один присест, но он не смел сделать и глотка.

Вдруг этот гад подсыпал туда яд?!

Почему всё пошло наперекосяк? Откуда здесь взялся этот монстр?! Неужели его убьют в самом начале истории?

Цзисин-цзы мягко улыбнулся:

— Что случилось, Гэ Хуань? Почему ты не прикасаешься к еде?

Юноша шумно сглотнул:

— Я... я просто никогда не сидел за одним столом с таким красивым господином. Немного робею.

Цзисин-цзы довольно прищурился. Надо же, какой подлиза! Роба точь-в-точь как у того гада из общаги, а щебечет приятно.

— Глупости, мы ведь теперь одна семья, — снисходительно бросил он. — Привыкай. Скоро ты станешь моим учеником, и мы будем видеться каждый день. За судьбу твоих близких тоже не переживай, я обо всем позабочусь.

«Каков подлец! Ну и фальшивая лживая!» — так и кипел от негодования Гэ Хуань. Не зная он сюжета книги, точно бы растаял от такой фальшивой заботы и бросился благодарить этого гада на коленях. Теперь понятно, почему оригинальный протагонист попался на крючок: против такого актерского мастерства у деревенского паренька просто не было шансов. Этому паршивцу только в Голливуде играть, Оскар был бы гарантирован!

«Что ж, раз так, придется мне вспомнить заветы пионерии. Главное — держать строй и не падать духом. В конце концов, я главный герой, сюжетная броня меня защитит!»

Гэ Хуань нацепил самую лучезарную из своих улыбок:

— Почтенный старейшина, вы так добры ко мне! Встретить вас — величайшее благословение. Вы великий мастер и мой спаситель, как же я могу осквернить трапезу и начать есть раньше вас? Это было бы верхом непочтительности.

Цзисин-цзы на секунду задумался. Что ж, логично. Усадив ребенка на колени, он грациозно придержал широкий рукав и неторопливо потянулся палочками к тарелке.

Гэ Хуань не спускал с него напряженного взгляда. Убедившись, что старейшина благополучно проглотил кусок и не бьется в судорогах от яда, он шепнул сестре:

— Налетай!

Не успел Цзисин-цзы занести палочки во второй раз, как брат с сестрой со скоростью урагана принялись опустошать тарелки. Еда исчезала со стола так стремительно, словно ее засасывало в черную дыру.

«Святые угодники, сколько же они голодали?» — Хэ Игэ невольно сжался от жалости. Вспомнив описание сиротского детства героя из романа, он почувствовал, как к горлу подкатил ком. Каким же бездушным монстром нужно быть, чтобы измываться над этим несчастным ребенком?

— Любезный! — негромко позвал он.

Трактирщик тут же подлетел к столику:

— Чего изволите, уважаемый господин?

Но стоило его взгляду упасть на гору идеально чистых тарелок, как слуга раскрыл рот от изумления. Словно стая саранчи прошлась!

— Повтори весь заказ, — спокойно произнес Цзисин-цзы. — Я не наелся.

— С-сейчас всё сделаем, мигом принесем! — заикаясь, выговорил парень.

Отбежав на безопасное расстояние, слуга зашипел на своего помощника:

— Да Ню, живо прибери за тем столом, сейчас новую порцию понесем!

Да Ню захлопал глазами, глупо уставившись на пустую посуду:

— Чего?! Они уже всё сожрали?!

Они ведь только что подали целую гору еды! Ну и аппетит у этих троих на голодный желудок... Да Ню искренне зауважал гостей: даже его собственный бездонный желудок не справился бы с такой лавиной мяса за пять минут.

Гэ Хуань перед началом обеда твердил себе: «Держи себя в руках, не позорься!» Но когда перед носом исходила паром сочная, лоснящаяся от жира дичь, рассудок окончательно покинул его. Какая к черту гордость? Какой еще злобный учитель? Жизнь, смерть — всё это стало неважно. Единственное, что имело значение, — набить пустой желудок. Горячий белый рис казался пищей богов, а уж настоящее мясо... О таком королевском пиршестве Гэ Хуань в последние дни не смел даже мечтать!

— Простите, почтенный старейшина, за такое зрелище... — смущенно пробормотал он, утирая рот рукавом. — Я просто...

Цзисин-цзы потянулся за чайником:

— Пустяки. Тебе нужно расти и набираться сил. Ешь сколько влезет и ни о чем не думай.

— Позвольте я! — Гэ Хуань перехватил чайник.

Раз уж его накормили до отвала, следовало проявить уважение. Юноша услужливо наполнил пиалу до краев и преподнес ее старейшине обеими руками.

— Почему у тебя так дрожат руки? — нахмурился Цзисин-цзы и мягко коснулся ладоней юноши.

Пальцы Гэ Хуаня были ледяными. Лишь теперь, при свете дня, Хэ Игэ разглядел его лохмотья: тонкая, изодранная ткань едва прикрывала худое тело, на груди и плечах виднелись следы грязных подошв, а на бледной коже проступали жуткие багрово-синие кровоподтеки. Ночью, в суматохе, он даже не успел осмотреть парня как следует — просто привел всех в трактир и уложил спать.

— Покончим с завтраком — сходим к портному, подберем вам нормальную одежду. И раны твои обработать нужно.

Не знай Гэ Хуань всей подноготной этого монстра, он бы точно разрыдался от благодарности и уткнулся ему в плечо. Настоящий святой отец, не иначе!

А руки у него, черт возьми, тряслись исключительно от дикого, животного страха перед этим двуличным змеем и неопределенностью, которая ждала его впереди.

— Благодарю вас... Шицзунь, — сорвалось с его губ.

Оба замерли. В комнате повисла оглушительная тишина.

<http://bllate.org/book/19556/2028429>